

**РАССЛЕДОВАНИЯ ГИДЕОНА ФЕЛЛА
В СЕРИИ «ЗВЕЗДЫ
КЛАССИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА»**

Ведмино Логово
Тайна Безумного Шляпника
Восемь мечей
Слепой цирюльник
Часы смерти
Три гроба
Дело «Тысячи и одной ночи»

Джон Диксон
Карр

**ДЕЛО «ТЫСЯЧИ
И ОДНОЙ НОЧИ»**

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 26

John Dickson Carr
THE ARABIAN NIGHTS MURDER
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1936
Published by arrangement with David Higham Associates Limited
and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского Полины Левченко
Серийное оформление и оформление обложки
Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-31335-4

© П. А. Левченко, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ПРОЛОГ

В просторной библиотеке в доме номер один по Адельфи-террас за круглым столом сидели четверо мужчин. За последние несколько лет немало поразительных вещей успели разложить на этом столе под светом лампы, чтобы их осмотрел доктор Фелл. И заводную игрушечную танцовщицу, ту самую маленькую жестяную фигурку, чьи движения дали ключ к разгадке дела Уэтерби-Гранж, и шесть синих монет, из-за которых Полтон с Риджент-стрит отправился на виселицу. Однако редко когда сей стол видел такое нелепое собрание предметов, как в тот вечер. То были вещественные доказательства в деле, которое позднее стало известно как дело «Тысячи и одной ночи». Полдюжины вещиц, начиная с поваренной книги и заканчивая бутафорскими бакенбардами.

Яркая лампа, висевшая над столом, скорее напоминала прожектор. В комнате не было другого источника света, разве что огонь в камине, который разожгли на тот случай, если возникнет необходимость провести здесь всю ночь. В самом большом кресле, словно на троне, у приставного столика, изобилующего сигарами и спиртным, восседал с улыбкой на

лице доктор Гидеон Фелл. После четырех месяцев, проведенных на юге Франции, доктор так и лучился здоровьем. Он побывал в Каннах, как помнится, из-за дела об отравлении Жиро, в которое оказались впутаны две англичанки; дрянное дельце. После он нежился на Лазурном Берегу, отчасти ради того, чтобы подлечить свою астму, но главным образом из-за вполне естественной здоровой лени. И теперь в свете подвесной лампы его лицо отливало красным сильнее, чем когда-либо. Глаза поблескивали за стеклами пенсне на черной ленте, а смешки приводили в движение его подбородки и перекатывались по жилету на складках живота; казалось, он заполнял всю комнату, словно Дух Нынешнего Рождества. Одна его рука покоилась на трости, а в другой он держал значную сигару, которой указывал на артефакты, разложенные перед ним на столе.

— Интересно, — признал он, довольно пристынув. — Я готов хоть всю ночь слушать про дело, которое объединяет поваренную книгу и две пары фальшивых бакенбардов. Одни, заметьте, седые, а другие — черные. Однако же, Хэдли, как насчет остальных вещественных доказательств? — Он указал на них. — Они, кажется, ничем не лучше. Этот изогнутый клинок выглядит весьма внушительно. А что с фотографиями? На этой как будто бы следы. А на *этой* — что ж, напоминает базар или восточную лавку с дверью, над которой красуется большое черное пятно.

— Так и есть, — мрачно произнес суперинтендант Хэдли, — кто-то бросил в стену уголь.

Сигара замерла на полпути ко рту доктора Фелла. Он чуть склонил голову набок, так что прядь его седых волос закрыла ухо.

В ДЕЛО «ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ НОЧИ»

— Бросил уголь в стену? — повторил он. — Это еще почему?

Тут угрюмо вступил инспектор Каррутерс:

— Да, сэр. Это очень важно, если, конечно, суперинтендант в целом верно восстановил события. И в связи с этим я со всем уважением хотел бы обратить ваше внимание на те черные накладные бакенбарды. Видите ли, начнем с того, что на них спиртовая смола, а что еще более важно...

— Помолчите, а? — проревел сэр Герберт Армстронг, выдающийся предприниматель, чьи деловые качества обеспечили ему место помощника комиссара столичной полиции. — Разве вы не видите, что только вносите сумбур? Помолчите, вы оба, и дайте *мне* объяснить. Итак! Фелл, мы совершенно запутались и хватаемся за вас как за соломинку. Дело настолько безумное, что никто другой не разберется.

— Да вы меня просто сразили наповал, — ответил доктор Фелл. — Продолжайте.

Он обвел взглядом троих гостей. Каждый рассказывал эту историю по-своему, ведь за столом в библиотеке собрались уроженцы разных уголков Британии.

Джон Каррутерс, ирландец, был инспектором отдела на Уайн-стрит. Он представлял собой новую разновидность офицеров полиции: не старше тридцати пяти, с университетским образованием, отличник в учебе и спорте, с хорошими манерами, а также с живым, а порой и несколько эксцентричным воображением. Он приучил себя обуздывать полеты своей фантазии, однако это сделало его довольно замкнутым. Единственное, что в нем было неирландского, так это подчас доставлявшая неудобства способность принять чужую точку зрения. За хму-

рым выражением его длинного лица угадывалась насмешка, в уголке рта торчала неизменная трубка, а его темные брови были сурово сведены над иронично смотрящими глазами.

Сэр Герберт Армстронг, лысый и плотный, был англичанином до мозга костей. Возможно, именно с него и списали киношного доктора Булла, его фамилия говорила сама за себя. Верный, сентиментальный, циничный, сердечный, словоохотливый, упрямый и вспыльчивый, ему были не по душе собственные добродетели, однако он очень гордился своими предрассудками. У него был взрывной, однако совершенно безобидный характер, из-за которого в кулуарах силового ведомства его называли (не в лицо, разумеется) Дональдом Даком. В конечном счете он всегда оставался верным другом, и по меньшей мере один человек, занимавшийся делом «Тысячи и одной ночи», мог бы за это поручиться.

Последним в этом трио был суперинтендант Дэвид Хэдли. Он родился в верховьях реки Твид, протекающей между Шотландией и Северной Англией. Они давно дружили с доктором Феллом, и хотя доктор знал Хэдли как облупленного, даже он соглашался с тем, что порой проследить ход мыслей суперинтенданта было непросто. Осторожный, хладнокровный, рассудительный, он мог быть то медлительным, то взрывным, то флегматичным и невозмутимым, то непредсказуемым. Ох уж эта его невозмутимость... по сей день рассказывают историю о том, как он в одиночку вошел в самый что ни на есть вонючий воровской притон в восточном Попларе, арестовал Майерса и Бейли с одним лишь муляжом пистолета в руке и спокойно вывел их перед собой, повернув-

шись спиной ко всем кастетам, выставленным против него в том притоне... За этим хладнокровием и флегматичностью скрывалась ранимость, которая проявлялась при малейшем знаке пренебрежения, даже если оно не было злонамеренным. Он не любил скандалов, был замечательным семьянином и имел, вероятно, обостренное чувство собственного достоинства. Хотя он, конечно, стал бы это отрицать; похоже, среди присутствующих он обладал самым богатым воображением. И наконец, все знали, что он никого не бросит в беде, не важно, друга или нет.

Доктор Фелл заинтересованно оглядел собравшихся.

— Послушайте же меня, — продолжил сэр Герберт Армстронг, стуча по столу. — Это дело с Музеем Уэйда надо как следует перетрясти. Вы точно четыре месяца в глаза не видели английских газет и *вообще* ничего об этом не слышали? Так и есть! Оно и к лучшему! Вот вам все стенографические записи, в тех папках. У нас здесь собрались три человека, которые вели это дело на всех этапах вплоть до того момента, когда мы триумфально сели в лужу...

— В лужу? — переспросил Хэдли. — Я бы не стал заявлять столь категорично.

— Ладно, уперлись в правовой тупик. Дело было так. Каррутерс первым получил свою дозу сумасшествия: убийство и совершенно необъяснимые сопутствующие обстоятельства. Затем присоединился я, и мы сумели объяснить обстоятельства, — которые, однако, не имели ни малейшего отношения к убийству. А потом присоединился Хэдли, и мы раскрыли убийство, но все остальное осталось таким же запутанным. Это чертово дело напоминает капус-

ту, с которой нужно сдирать лист за листом, чтобы понять, что все-таки произошло, и под всеми этими слоями красуется одно лишь слово — «дудки». Пыль! — с горечью произнес Армстронг. — Пыль!

Доктор Фелл выглядел несколько обескураженным.

— Это, конечно, мартышкин труд, — продолжал ворчать Армстронг, — но мы разгребем эту кучу бреда в который раз. Нравится вам или нет, садитесь на ковер-самолет. Каждый из нас изложит вам свою часть истории и дополнит то, над чем ломал голову предыдущий рассказчик. А в конце вы скажете, что́ нам, черт возьми, со всем этим делать. То есть если придумаете, конечно, в чем я лично сомневаюсь. Ладно, Каррутерс. Поехали.

Каррутерсу явно было не по себе. Он потянулся к стопке машинописных листов в синей папке, лежащих у локтя Хэдли, и с мрачной иронией оглядел собравшихся. Затем на его губах, сжимающих трубку, заиграла усмешка.

— Боюсь, я тут кое-что напутал, — сказал он. — Хотя, сэр, серьезных оплошностей все же не допустил, так что не слишком беспокоюсь. Так говорил сказочник, сидевший на базаре. Советую вам наполнить бокал и крепче держать свою шляпу, сэр, ибо мы взлетаем.

«Впервые мысль о том, что здесь что-то не так...»

Часть первая

*Ирландец в арабской ночи:
свидетельство детектива-инспектора
Джона Каррутерса*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Исчезающие бакенбарды

Впервые мысль о том, что здесь что-то не так, высказал сержант Хоскинс, сержант, прошу заметить, при исполнении, и даже тогда во всем этом деле было трудно разглядеть что-то, кроме безумия, от которого лезешь на стену. Хотя у нас на Уайн-стрит случаются веселенькие истории, особенно когда дело касается дебоширов во фраках, все же нарушители общественного спокойствия редко носят пышные светлые бакенбарды.

Я встретился с Хоскинсом вечером в пятницу, четырнадцатого числа, ровно в пятнадцать минут двенадцатого. У меня оставалась еще кое-какая работа в участке, так что пришлось задержаться; устроив себе перерыв, я отправился в киоск на Пантон-стрит за кофе и сэндвичем. Свернув на Хэймаркет, освещенную фонарями, я чуть не налетел на Хоскинса. Он полицейский старой закваски: грузный, важный, с пышными закрученными усами, мне никогда еще не случалось видеть его таким растерянным.

Тяжело дыша, он потащил меня в тень и произнес: «Там!»

— Сэр, — проговорил Хоскинс, — за двадцать пять лет я всяких проделок повидал, но чтобы та-

кое... Этот с длиннющими белыми бакенбардами, пусть даже они и фальшивые! Я их ему так накручу! — злобно рычал Хоскинс. — Вот! — Он указал на свою шею. Прямо над воротником на ней виднелись длинные и глубокие царапины, оставленные ногтями. — Знаете Музей Уэйда, сэр? Тот, что на Кливленд-роу?

Я, конечно же, знал про Музей Уэйда. И все думал, что неплохо было бы туда заскочить, но так и не собрался. Мы получили строгий приказ приглядывать за ним; не только от самого Уэйда, но и от высокого начальства. Я так полагаю, вы слышали о старине Джеффри Уэйде или хотя бы о его кошельке необъятной толщины. Впрочем, его она никогда не удовлетворяла. Лично я с ним знаком не был, но до меня доходили слухи о нем как о вздорном, эксцентричном, «величайшем мастере публичных зрелищ». Кроме того, я знал, что у него имеется кое-какая собственность в районе Сент-Джеймс, включая многоквартирный дом на Пэлл-Мэлл-стрит.

Лет так десять назад он обзавелся небольшим частным музеем (открытым для посещения), которым сам и заведовал. Азиатский или восточный музей, насколько я понял, помню, как-то прочитал в статье, что у него там выставлены еще и несколько хороших образцов старинных английских повозок, словом, чем бы старик ни тешился. Этот музей находится на Кливленд-роу, напротив Сент-Джеймского дворца. Он втиснулся в восточной части улицы среди маленьких угрюмых скверов и домов, которые, кажется, забросили еще в восемнадцатом веке. Даже средь бела дня этот район не производит впечатления оживленного и цветущего — всюду гу-

ляет эхо, — а уж что там делается в ночи, остается только воображать.

И стало быть, как только Хоскинс упомянул это место, я сразу же заинтересовался. Я велел ему прекратить изрыгать пламя и рассказать мне, что произошло.

— Я обходил территорию, — выпрямившись, стал рассказывать Хоскинс, — и двинулся на запад по Кливленд-роу. Было около одиннадцати, сэр. Я шел к своей следующей точке, на Пэлл-Мэлл-стрит, помахать тамошнему констеблю. И вот иду я мимо Музея Уэйда. Вы же знаете это место, сэр?

Я проходил пару раз мимо него, и в памяти запечатлелся выходящий фасадом на улицу каменный двухэтажный дом, обнесенный с обеих сторон высокой каменной оградой. Еще у него были высокие бронзовые двери, на которых красовался фриз, испещренный, кажется, арабской вязью, — вот по таким приметам и можно узнать это строение. Что Хоскинс, что я перестали изъясняться на этом суконном языке; боюсь, я не в состоянии долго разговаривать в такой тональности.

— Так вот, — доверительно просипел Хоскинс, — дай, думаю, потяну за ручку, мало ли, может, Бартон чего упустил. Ну, сэр, двери оказались крепко-накрепко заперты. И я пошарил туда-сюда фонариком, так, ничего особенного не подозревая, понимаете, сэр; и высветил это. — Тут он остановился. — Ну, я повернулся и ошибиться не мог. Он сидел на стене. Длинный тонкий старикашка в цилиндре и фраке. И с белыми бакенбардами.

Я внимательно посмотрел на Хоскинса, не зная, смеяться мне или сердиться; если бы мы не были

так хорошо знакомы, я решил бы, что это какой-то хитроумный розыгрыш. Но он говорил совершенно серьезно.

— Да, сэ, именно так! Сидит на стене. Свечу, значит, прямо на него и чуть сам не упал — в таком возрасте, да еще и в шляпе набекрень, ну я... и крикнул ему: «Эй! Чего ты там забыл наверху?» — и вот глянул я в глаза этому прохиндею, и мамой клянусь...

— Какой вы, оказывается, чувствительный, сержант.

— Как хотите, сэ, можете смеяться сколько влезет, — мрачно проговорил Хоскинс и сердито кивнул, — вы просто сами его не видели. У него были такие очки большие в роговой оправе. Смотрел на меня как псих. Длинное лицо и эти неестественные бакенбарды, а еще длинные тощие паучьи ноги, свисающие со стены... И вдруг он как подскочит. Фить! Я думал, он на меня прыгнет. Сэ, вы когда-нибудь видели церковного старосту с блюдом для пожертвований? Вот так он и выглядел, только сумасшедший. Он свалился оттуда, как мешок, но смог подняться. А затем сказал мне: «Это ты его убил, и тебя за это повесят, милый мой самозванец. Я видел тебя в повозке». И при этом бросился на меня, вытянув обе руки.

Нет, Хоскинс был абсолютно трезв (он дышал мне прямо в лицо, так что я учуял бы); к тому же едва ли он был способен выдумать такую чертовщину.

— Может, это был тот самый Горный Старец, — сказал я, — а дальше-то что произошло?

Хоскинс стусевался:

— Пришлось в конце концов прописать ему пару ласковых, сэ. Несмотря на всю свою стариков-

скую наружность, он дрался как дикий зверь, и ничего другого мне не оставалось. Особенно не церемонясь, я двинул ему в челюсть, и он стек вниз. Тут-то мне и открылось самое странное — его бакенбарды оказались фальшивыми. Хоть увольте, сэр, но это чистейшая правда. Они держались на каком-то густом клее и в суматохе отлепились. Мне не удалось рассмотреть его лицо, потому что в пылу схватки он разбил мой фонарь, а на улице было, скажем так, темновато.

Вопреки всем стараниям губы Хоскинса скривила злорадная улыбка.

— Знаете, сэр, я тогда вот что подумал: «Ну и вляпался же ты в историю, друг!» Пошел прогуляться (так я подумал) по фешенебельному старому кварталу, нацепив бакенбарды, и тут раз — и расстелили тебя, как коврик, да не где-нибудь, а в минуте ходьбы от Пэлл-Мэлл! Вот оно как? Врать не стану, я тогда почувствовал себя дураком. Все, что мне оставалось делать, — это вызвать «черную Марию», чтоб его забрали. Я вспомнил, что собирался встретиться с констеблем Джеймсоном, и дальше на обход по Пэлл-Мэлл. Так что я решил попросить Джеймсона, чтоб он постерег этого негодяя, пока я звоню. Ну, сэр, я пристроил его у тротуара, положил головой на бордюр, чтобы кровь не текла и он еще больше головой не двинулся. Пройдя не больше десяти шагов, я оглянулся, ну, чтоб убедиться, что он в порядке.

— И он был в порядке?

— Нет, сэр, совсем не в порядке, — серьезно ответил Хоскинс, — он испарился.

— Испарился? Вы имеете в виду, поднялся и убежал оттуда?

— Нет, сэр. Испарился, как и не было; я на Библии поклясться готов! Я имею в виду, он исчез бесследно. Хоп! — Хоскинс вложил всю силу своего воображения в этот напряженный широкий взмах рукой. — Чистейшую правду вам говорю, сэр. — Он с достоинством приосанился, явно терзаясь какой-то мыслью. — Вы, сэр, умный человек, и я знаю, что вы мне верите. Констебль Джеймсон, вот он не поверил, все бы ему шуточки над старшими по званию шутить. «Испарился? А, его, наверное, унесли какие-нибудь розовощекие феи» — вот так он сказал. «Накладные бакенбарды! Ишь ты! Может, у него еще и роликовые коньки на ногах были и зеленый зонтик? Дружище, вы только никому не рассказывайте эту историю, когда в участок вернетесь». А я вот рассказываю, поскольку это мой долг, и я от него не отступлюсь! Более того, злоумышленнику там решительно некуда было улизнуть. — Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, Хоскинс сумел укротить свой бушующий гнев. — Сами посудите, сэр. Он валялся посреди улицы, и до ближайшей двери оттуда бежать не один фут. Более того, там было настолько тихо, что я бы точно услышал, если бы кто-нибудь подошел; я бы увидел, там было не настолько темно, и, клянусь, я отошел не больше чем на тридцать футов. Но я ничего не видел и не слышал, а этот негодяй секунд за десять — раз! — и, хоп, растворился! Сэр, если это не проделки какого-нибудь мага-иллюзиониста, то я не знаю что. Исчез! Растворился там, откуда ему было некуда деться, на Библии клянусь. Но меня-то волнует больше всего, что мне делать в сложившихся обстоятельствах?

Я велел ему вернуться в участок и успокоиться, пока я пью кофе. Как бы мне ни хотелось вдумчиво

подойти к этому происшествию, отыскать в нем какой-нибудь глубокий смысл и с блеском распутать свое первое дело в Вест-Энде, но я не в силах был серьезно отнестись к проблеме Исчезающих бакенбардов, не ощущая себя дураком за компанию с сержантом Хоскинсом. Как и Хоскинса, меня поставил в тупик тот же вопрос — и что, черт возьми, мне с этим делать? С другой стороны, если Хоскинс не стал жертвой какого-то хитроумного розыгрыша, невозможно было отрицать, что вся ситуация выглядела столь же странно, сколь и комично. Несмотря на неиссякающий поток моих вопросов, Хоскинс продолжал клясться, что обладатель белых бакенбардов никуда не мог деться, а иначе бы он это увидел или услышал; к тому же он был совершенно уверен в том, что злоумышленник был без сознания. В ту самую минуту сделать можно было только одно — пойти и выпить кофе.

К тому времени, как я вернулся, по-прежнему ломая голову над тем, что вся эта чертовщина могла означать, события продолжали развиваться. Сержант Хоскинс встретил меня в дверях, уже переодетый в штатское, однако он задержался и, едва скрывая ликование, указывал большим пальцем себе за плечо, за которым виднелось угрюмое лицо Джеймсона.

— Нам повезло, сэр, — объявил он, — Джеймсон только что с обхода.

— Что, этот тип с бакенбардами снова объявился?

Джеймсон угрюмо поприветствовал меня. Он, казалось, пребывал в растерянности.

— Нет, сэр, другой тип. Учинил скандал у Музея Уэйда минут через пять после того, как сержант

ушел оттуда. А когда я столкнулся с этим парнем, он вздумал драться. — Джеймсон надулся еще больше. — Я решил, вы захотите с ним потолковать. Я ему ничего не предъявлял, но могу, если прикажете, попридержать его в участке; этот негодяй пытался треснуть меня тростью. Я его попросил пройти спокойно со мной, чтоб побеседовать с вами. Он сейчас в вашем кабинете.

— Что произошло?

— Ну, сэр, — встрепенулся Джеймсон, — я со своей дубинкой, значит, шел мимо музея, как вдруг увидел этого парня, стоящего ко мне спиной; было похоже, что он шарит руками по поверхности бронзовых дверей. Нарядный господин в вечернем костюме, здоровенный такой, черт его возьми, киноактер просто. Я окликнул его и спросил, чем это он занят. Он ответил: «Пытаюсь войти, разве не понятно?» А я ему: «Полагаю, вы, сэр, знаете, что это музей?» А он мне: «Да, поэтому я и пытаюсь войти. Где-то тут должен быть колокольчик, помогите же мне его отыскать». Ну, я тогда указал на то, что музей закрыт, внутри не горит свет и ему бы лучше двигаться в сторону дома. А он, взбешенный, повернулся ко мне и рыкнул: «Если тебе это о чем-то говорит, меня пригласили на индивидуальную экскурсию; я никуда двигаться не намерен, и что ты мне сделаешь?» А я ему... — Джеймсон надул щеки. — «Так я вам помогу». А он мне: «Ты дорого заплатишь за свою дерзость». Ей-богу, я впервые слышал такое не в кино. И он как начал этой своей тростью тыкать и размахивать...

— Чую что-то неладное, сэр, — мрачно прокомментировал сержант, поглаживая усы. — Разрази меня гром, ничего не понимаю; а вы, сэр?

— Джеймсон, продолжай.

— Я схватил эту его трость и вежливо, разумеется, поинтересовался, не возражает ли он против того, чтобы пройти в участок и ответить на пару вопросов. Он заметно успокоился. Притих. Какие такие вопросы? Вот что он хотел знать. Я ему говорю: «По поводу исчезновения». Я подумал, что он какой-то чудной; но он не стал поднимать шум, как я ожидал, и просто пошел со мной, непрерывно меня расспрашивая. Сэр, я ничего ему не сказал. Теперь он у вас в кабинете.

Джеймсон, как видите, вышел за рамки своих полномочий; но все это дело начинало выглядеть настолько странно, что я был рад, что он так поступил. По коридору я направился в свой кабинет и отворил дверь.

Вы сегодня услышите различные мнения о том, с какими персонажами нам пришлось иметь дело. Я же могу изложить вам только свое. Человек, все это время сидевший на вращающемся стуле, резко встал, будто растерялся и не понимал, как ему следует держать себя со мной, выглядел он весьма внушительно, особенно в моем убогом кабинете. На секунду мне показалось, что в нем есть что-то смутно знакомое, будто я встречал его раньше. Это чувство прошло, как только я его разглядел. Человек, представший передо мной, казался типичным героем тысяч бульварных романов. Чудесным образом этот герой сошел с книжных страниц, приложив немало усилий, чтобы выглядеть правдоподобно. К тому же (и он это прекрасно понимал) он был широкоплеч и высок, с суровой мужественной наружностью, которую так обожают писательницы подобного жанра, со светлыми голубыми глазами, густыми бровя-

Карр Дж. Д.

К 26 Дело «Тысячи и одной ночи» : роман / Джон Диксон Карр ; пер. с англ. П. Левченко. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 416 с. — (Звезды классического детектива).

ISBN 978-5-389-31335-4

Золотой век детектива подарил нам множество звездных имен. Почетное место в этой плеяде по праву принадлежит Джону Диксону Карру (1906–1977) — виртуозному мастеру идеально построенных «невозможных преступлений в запертой комнате». В 1933 году Джон Диксон Карр впервые представил публике сыщика-любителя доктора Гидеона Фелла. Внешность героя, предположительно, была списана с другого корифея детективного жанра — Гилберта Честертона, а его заслуги в истории детективного жанра, по мнению большинства почитателей творчества Карра, поистине вызывают уважение. Так, писатель Кингсли Эмис в своем эссе «Мои любимые сыщики» назвал доктора Фелла «одним из трех великих преемников Шерлока Холмса».

«Дело „Тысячи и одной ночи“» (1936) повествует о загадочном происшествии в музее ориентальной культуры: в старинном экипаже обнаружен труп с накладной бородой и фальшивыми бакенбардами. За дело берется доктор Гидеон Фелл — эксцентричный детектив-любитель, обладающий энциклопедическими знаниями в области криминалистики и склонностью к театральным эффектам. И пока он шаг за шагом приближается к разгадке, множится количество подозреваемых, каждый со своим скелетом в шкафу и правдоподобными мотивами для убийства...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ДЖОН ДИКСОН КАРР
ДЕЛО «ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ НОЧИ»

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Редактор Татьяна Шушлебина
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Татьяна Бородулина, Светлана Федорова

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 09.12.2025.
Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 18,33. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в типографии ООО «Экопейпер».
420044, Россия, г. Казань, пр. Ямашева, д. 36Б.

A-MCD-40576-01-R